

Анни Агопьян - Фред Бернар - Анна Кортей - Алекс Куссо - Анна Жона
Анри Мёнье - Гислен Роман - Сесиль Румигьер - Тома Скотто

9 НЕОБЫЧАЙНЫХ
ЖИЗНЕЙ ПРИНЦЕССЫ.

ГАЙЯ

Художник Режи Лежонк

★ КНИГИ
Вилли
Винки
Москва
2024

Вы любите невероятные истории?

Я знаю их все до единой, и почти каждая — чистая правда.

Из всех историй, свидетелем которых меня сделал счастливый случай, я сразу вспоминаю непостижимую судьбу принцессы Гайи. Подобно кошкам, она прожила не одну, а девять жизней. Мне нравится думать, будто я приложил к этому лапу, но только моя Госпожа обладает властью оказывать подобные милости.

Хозяйка, которой я преданно служу с самой ночи времён, плетёт непрочную нить человеческих судеб. Она часто безжалостна, порой даже жестока, но неизменно справедлива и беспристрастна.

В ночь полнолуния свершилось настоящее чудо — Хозяйка, не славящаяся щедростью, решила подарить Гайе восемь дополнительных жизней! Но при каждом рождении принцесса будет забывать о прошлых жизнях и никогда не родит собственное дитя... Несомненно, ради равновесия.

Что касается меня, то я тайно наблюдал за Гайей на протяжении всего её пути. На протяжении долгих веков я оставался свидетелем каждого из её воплощений. И вот теперь мне, как хранителю памяти, пришло время рассказать о девяти необычайных жизнях принцессы.

Война! Слово прокатилось по всему королевству, переплыло через реки, перелетело через озёра и, как пыльца или песок, осело по деревьям. Враг стоял на границе. Чего он жаждал? Наложить руку на серебряные рудники или житницы высоких долин? Воины грозной армии были одеты в чёрное; мечи сверкали на поясах, а пушки для них волочили мощные широкогрудые быки. Как противостоять им? Все мы боялись. Все мы погибли.

Отовсюду слышался плач отчаявшихся женщин; то были матери сыновей, которых насильно забрали в армию. Война сулила им смерть — одновременно лютую и неминуемую. Вместе с ними плакала и Сигрид, молодая королева, сложив руки на округлившемся животе, в котором носила ещё нерождённого ребенка.

Король Ульрих, её супруг, взял в руки оружие. Его долг — вести за собой, показать пример, доказать храбрость. Воля короля оказалась крепче мрамора. Его прославляли. Как прекрасен был их повелитель!

Он один мог привести народ к победе. Никто из нас не знал о терзавших короля сомнениях, о его природном ужасе перед смертью. Ульрих хотел остаться дома, с ней. Хотел вдыхать сладкое дыхание королевы, слушать нежные обещания о появлении ребёнка. Он был уверен, что у них родится сын. Маленький человек, которому Ульрих передаст королевство. То самое, что он готовился защищать ценой жизни.

«Весной!» — твердили врачи. «Весной!» — вторили им фрейлины. Да, новая душа ждала весны, тогда как для короля настал час уезжать. У него не было выбора, ведь он родился принцем крови.

Титул ставил Ульриха во главе войска, и потому он сдерживал слёзы. Короли не плачут. По обеим сторонам дороги столпились люди, размахивавшие флагами на утреннем ветру. Час настал. Когда зазвучали трубы, он поднял руку, а затем вытянул её в сторону закатного солнца. Его палец в железной перчатке указывал на поля сражений.

Королева предпочла попрощаться наедине, вдали от чужих глаз. Стоя на вершине замковых укреплений, она махала Ульриху льняным платком, пока его не подхватил ветер. Король поймал его и зарылся в него лицом. Пусть запах любимой сопутствует ему.

Зима заканчивалась. Война затягивалась. Сигрид уже слишком долго оставалась одна. Она не могла спать. Не могла жить. Почти не могла дышать. Как существовать без него? Как перенести долгие часы в холодной постели, не слыша его ободряющего голоса? Сигрид так любила своего короля!

В день шестнадцатилетия её посадили в карету и повезли по скверным дорогам, от которых повозку трясло и качало. Отец держал имя будущего мужа Сигрид в секрете, и потому на протяжении всего пути она дрожала и пролила столько слёз, сколько не могло вместиться в обычную девушку. По приезде карета пересекла подвесной мост, и наконец Сигрид увидела суженого. Сердце в её груди забилося так, словно она была зайцем, ускользнувшим от лисы. Это был он! Именно этот мужчина снился ей каждую ночь с окончания летних игр, где наследники восточных королевств состязались между собой.

Сигрид наблюдала, как он храбро бился и побеждал во всех испытаниях, будь то турнирные сражения, римская борьба или бой на мечях. Слушала, как он поёт после шумных и весёлых пиров. Закрыв глаза, ловила звуки его тёплого голоса, читавшего оды любви и лесам. Сам не зная того, он околдовал Сигрид. Ей нужен был только он.

И вот он здесь, протягивает ей руку, помогая спуститься из кареты, бросает на землю расшитый золотом плащ, чтобы Сигрид не запачкала свои миниатюрные бархатные туфельки в грязи скверно вымощенного двора. Девушка вспомнила, как кричала матери в лицо, что лучше уйдёт в монастырь, предпочтёт вечное уединение в пещере или на затерянном острове, но не примет судьбу, выбранную ей родителями. Теперь Сигрид чувствовала себя очень глупо от того, что сомневалась в их выборе.

Только полюбит ли её король? Увидит ли в ней спутницу жизни? Сигрид стала загадочной и мягкой, начала интересоваться полями и садами, стадами ланей, населявших их подлесок, и потихоньку стала замечать, как его взгляд поменялся и потеплел. Вечерние беседы у очага становились нежнее, а прогулки под луной и спонтанные ночные пикники предвещали то, что видели

Зима заканчивалась. Война затягивалась. Сигрид уже слишком долго оставалась одна.

все обитатели замка: Ульрик полюбил Сигрид. Он нырял в любовь подобно тому, как ныряют в воды во время летнего купания.

Только взгляните на королеву, как она борется со своим безмерным горем! Если бы не существо, что росло внутри неё, Сигрид последовала бы за супругом, сражалась бы рядом с ним, ведь она была на это способна! Её учили искусству боя. Королева чувствовала себя бесполезной и постепенно обнаружила в сердце чувство, ужаснувшее её: ребёнок, которого она носила под сердцем, отдалял её от мужа.

Каждый вечер гонец приносил к дверям королевы письма от него. В них король много говорил о своей любви и очень мало — о войне. Он скрывал от неё гнетущий смрад сражений. Только королева не была глупой: она знала и об опасностях, и о трудностях. Она отвечала: «Милый друг, я буду храброй». На самом деле она спрашивала себя, где найти силы, которых так не хватало.

Однажды утром она почувствовала, как дитя внутри неё зашевелилось. Наступила морозная ночь, и поздний снег белым покрывалом лёг на черепичные крыши замка. В дом без какого-либо приглашения вошёл человек-кот. Если задуматься, то даже не вошёл, а попросту появился. Раз — и человек-кот оказался рядом. Его взгляд поразил королеву.

— Кто вы? — спросила Сигрид и, не дожидаясь ответа, поспешила к дверям, чтобы позвать стражников.

Незнакомец жестом остановил её.

— Не делайте этого, госпожа! Сначала выслушайте, для чего я пришёл.

Королева Сигрид повернулась и внимательно посмотрела на незваного гостя. Она не могла объяснить, что двигало ей в тот момент. Конечно, гнев: кто был этот наглец? Помимо гнева — любопытство. Откуда он взялся? Что за странный плащ? Несомненно, какая-то иностранная мода. Человек-кот поклонился. Его манеры были безупречны. Это несколько успокоило королеву — чужак не был человеком с большой дороги.

— Живее говорите... и убирайтесь! Исчезните! — ответила она.

— Так и будет, госпожа, будьте покойны. Однако то, что я имею сказать вам, имеет первостепенную важность. Речь идёт о жизни короля Ульриха.

Королева замерла. Жизнь её мужа? Неужели кот угрожает ей?

— Да как вы смеете?! — взвилась она.

— Боюсь, вы неправильно поняли меня. Я здесь, чтобы предложить вам свою помощь. Точнее, помощь моей Хозяйки. В этот самый момент королю грозит опасность, о которой вы даже не подозреваете. Он скрывает правду, чтобы не беспокоить ваш сон. Однако враги жаждут его смерти, чтобы разграбить богатства вашего королевства и положить конец его династии. Никто не может спасти его. Конец короля предрешён.

Королева пошатнулась. В глубине души Сигрид знала правду, и слова кота ничуть не удивили её. Её учили опасностям битвы, а письма мужа казались слишком ободряющими, чтобы быть правдой.

Она застыла.

— Продолжайте, я слушаю вас. Как вы думаете спасти его?

— Его спасёте вы, госпожа. И вот каким образом...

Служанка у колодца услышала крик и заподозрила худшее. Стражники поспешили в королевскую спальню и обнаружили королеву без созна-

Короля ранили в сердце из арбалета. Его дни были сочтены.

ния. Ей поднесли соли и трижды капнули на лоб зверобоем. Очнувшись, Сигрид принялась расспрашивать фрейлин о человеке-коте, но никто не видел его. Лекари дали ей несколько снадобий, и об этом случае скоро позабыли.

Спустя некоторое время королева получила письмо, погрузившее её в глубокую печаль. Короля ранили в сердце из арбалета. Его дни были сочтены. Возможно, не дни, а часы. Адьютант отчаялся и принялся взывать к мужеству народа.

Королева же, отвергнув всякие советы лекарей и фрейлин, бросилась к мужу. «Ребёнок, как же ребёнок, Ваше Величество! Подумайте о ребёнке!» Путь, который армия проделала за два дня, королева преодолела за несколько часов.

Когда она появилась в лагере, её отвели к королю. В шатре повисла мрачная тревога. Хирурги удалили железо, засевшее в груди короля, но, казалось, ничто не могло вернуть Ульриха к жизни.

Она прогнала всех: солдат, генералов, врачей, слуг. Сбросила тяжёлый дорожный плащ и принялась разрывать на повязки свой подъюбник, так что он стал напоминать её истерзанную войной страну. Сигрид ухаживала за королём сама. Время текло. Наконец, над равниной взошла луна, и королева, придавленная горем, уснула.

Её разбудил внезапный шум.

У изголовья кровати расположился человек-кот. Он смотрел на королеву своими необычными глазами.

— Почему люди всегда так тяжело принимают худшее? — протянул кот.

— Может, потому что мы предпочитаем любовь вместо страха и нежность вместо ненависти...

— Стало быть, решение далось вам легко, — уколол её кот. — Вы приняли его?

Королева встала и выпрямилась. Теперь всё зависело от неё. Любопытно, но она нисколько не сомневалась, что незнакомец сдержит данное ей обещание. Выбор был прост: жизнь мужа в обмен на жизнь ребёнка. Сигрид пыталась торговаться, ведь ей хотелось заполучить обоих — и отца, и сына. Так ли много просила она от Провидения? Разве не заслужила она немного счастья?

— Немного всё же будет, Ваше Величество, — согласился человек-кот, нахмутив странные брови. — Ребёнок — ваш, но до первого зуба.

— До первого зуба? Но...

— Не станем торговаться, госпожа. Моя Хозяйка заберёт ваше дитя в день, когда у него прорежется первый зуб. Возрадуйтесь! Поглядите! Вашему супругу более ничего не угрожает.

И в самом деле, король открыл глаза. Уродливая рана, которая всего несколько мгновений назад обрекала его на гибель, закрылась на глазах у Сигрид.

Снаружи раздался крик: «Они уходят! Смотрите, они уходят!» Окрылённые и гордые победой, их люди бросали в воздух и шлемы, и подшлемники. Вдалеке поднималось облако пыли — враг покидал равнину. Именно этот миг и выбрала Гайя, чтобы появиться на свет. Когда повитуха положила её на грудь матери, девочка издала долгий вздох.

*«Она знает, – подумала королева. – Моё бедное дитя!
Она уже знает, что её жизнь окажется короткой».*

«Она знает, — подумала королева. — Моё бедное дитя! Она уже знает, что её жизнь окажется короткой».

Согласно обычаю, в честь рождения королевского ребёнка по всему царству звонили в колокола. Существовал ли на свете более благословенный народ? В один день случились сразу три большие радости: спасение короля, победа в войне и рождение принцессы!

Несмотря на то, что рана короля затянулась, он чувствовал себя усталым. Казалось, только нежная малышка Гайя могла утешить его. Король ни о чём не жалел. Да, он мечтал о мальчике, но судьба подарила Ульриху дочь, и он полюбил её с первого взгляда. Она была так похожа на мать! Он восторгался, когда та жадно пила молоко королевы.

Казалось, этот ребёнок так счастлив жить! Только Сигрид не разделяла радости мужа. И если днём она ловила каждый луч света, чтобы прогуляться с Гайей вдоль каналов или по дорожке часовых вокруг замка, то ночами Сигрид преследовала не дающая заснуть лукавая улыбка.

Улыбка кота.

Королева говорила с кормилицей короля, но её наставления не принесли Сигрид покоя.

— Первые зубы? Но, Ваше Величество, это зависит от ребёнка. Ваш супруг, король, может похвастаться тем, что зубы у него прорезались очень рано. Первый зуб появился утром его сотого дня. Не это ли знак выдающейся судьбы?

Королева не нашлась что ответить. Да и что она могла сказать? Сто дней. Чуть больше трёх лун.

Сигрид искала встречи со старухой, что знала травы, порошки и заклятия. Должен же существовать способ помешать проклятым зубам прорезаться! Но когда она подошла к полянке, на которой жила ведьма, дорогу ей преградил человек-кот и заговорил с ней ледяным голосом, от которого по спине королевы побежали мурашки:

— Что вы пытаетесь сделать, Ваше Величество? Разве вы не знаете, что данного слова вернуть нельзя? Неужто вы считаете, что мою Хозяйку можно обмануть снадобьями какой-то ведьмы? Разве не должно вам быть подле вашего дитя?

С того дня королева не покидала своих покоев. Она распустила слуг и заявила, что отныне будет одна заботиться о принцессе. Это решение обсуждал весь двор. Некоторые видели в этом проявление разительной материнской любви, а другие, наоборот, считали её решение неуместным. Откуда им было знать, что поступок Сигрид служил проявлением глубокого отчаяния? Смерть нередко приходит неожиданно, но кончина Гайи была предрешена. Ожидание тянулось невыносимо!

Каждое утро королева проводила пальцем по дёснам малышки, с ужасом сиюсь обнаружить прорезавшийся зуб. Король, слишком озабоченный восстановлением земель, разрушенных войной, не замечал драмы, разыгрывавшейся у него под носом.

На сотый день зуб так и не показался.

Сигрид понадеялась, что её молитвы были услышаны, но вскоре на десне Гайи появилась припухлость, перевернувшая всё нутро королевы. Час пришёл...